

МНЕ НЕКОГДА

или осторожные советы
молодой женщине

РЕВЕККА ФРУМКИНА

9 785983 790063

новое издательство

Ревекка Фрумкина

**Мне некогда, или Осторожные
советы молодой женщине**

«Новое издательство»

2004

Фрумкина Р.

Мне некогда, или Осторожные советы молодой женщине /
Р. Фрумкина — «Новое издательство», 2004

Новая книга известного психолога и лингвиста Ревекки Фрумкиной обращена к молодой женщине, вступающей на путь самостоятельной жизни. Как обустроить квартиру малыми силами? Какие вещи купить в первую очередь? Что должно быть в домашней аптечке? Как правильно выбрать режим дня? Содержащиеся в книге ответы на эти и другие неотложные вопросы не отвлекают читателя от ее главной идеи: взрослая жизнь – это жизнь человека, который постоянно делает выбор. «Осторожные советы» Ревекки Фрумкиной помогут выбрать между дешевым и дорогим, вкусным и полезным, красивым и удобным, полагаясь на собственный вкус, а не статью из «глянцевого» журнала, и создать собственный стиль жизни, прислушиваясь не только к рекламе и друзьям, но и к себе самому.

Содержание

Начнем, пожалуй...	5
Экономить или тратить?	9
Стиль жизни	13
Свой стиль	14
Вещи как знаки	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ревекка Фрумкина Мне некогда, или Осторожные советы молодой женщине

*Еще много нового можно
сказать и в до-мажоре.
Арнольд Шенберг*

Начнем, пожалуй...

Взгляните на себя в зеркало. Это – вы. А вы – не ваша мама, не ваша старшая (или младшая) сестра, и уж тем более не ваша бабушка. Вы не так уж похожи на своих подруг и знакомых, хотя, скорее всего, вас многое объединяет. Просто не стоит оценивать себя исходя из «образцов», будь то ровесницы, учителя или родители. Потому что у вас своя жизнь, а значит

– свои планы и взгляды, свои достоинства и недостатки. Разумеется, я не хочу этим сказать, что жизненный опыт других людей, тем более тех, кто намного старше, для вас совершенно бесполезен.

Если бы я думала так, я не стала бы писать эту книжку.

А ведь я написала ее именно для вас! Притом с одной-единственной целью: чтобы вы (по возможности) учились на *чужих* ошибках.

На «наших» то есть.

Здесь вы воскликнете: «Тогда было другое время!» И это правильно. Потому что время – всегда другое. Замечания типа «я в твои годы» или «мы в наше время» могут быть столь же бесценны как свидетельства современников ушедшей эпохи, сколь и бесполезны в качестве образца для подражания.

В 1943 году мне было 11 лет. Еще шла война. Мы жили на Тверской у здания Моссовета (там теперь мэрия), а в школу я ходила в Старопименовский переулок (где теперь на углу отель Marriott). Чтобы попасть в школу, мне нужно было пересечь Тверскую без светофора и без подземных переходов (троллейбусы и машины), дальше – притом дважды – площадь Пушкина (трамвай «А» и машины). И моих родителей это совершенно не беспокоило.

Но не потому, что тогда машин было меньше (хотя их и вправду было меньше). Просто перейти любую магистраль все-таки было делом заведомо менее опасным, чем по сигналу воздушной тревоги бежать в бомбоубежище – а этим житейским опытом я обзавелась уже в 1941 году. Кроме того, мама с папой и сами рано утром уходили на работу и при всем желании не могли сопровождать меня куда бы то ни было.

Нынче моя подруга (по возрасту она как раз могла бы быть моей дочерью), тоже живущая в центре, самоотверженно водит в школу свою одиннадцатилетнюю дочь: а вдруг ребенок не успеет перейти улицу, ведь зеленый свет горит так недолго!

мораль

никакой морали, пусть водит, если ей так спокойнее.

В «наше» время не было не только стиральных машин и кухонных комбайнов. До конца 50-х годов в большинстве московских кухонь не было горячей воды, а газовые колонки были только в ванной комнате. Белье стирали на стиральной доске, а высушенные простыни сначала «катали» вальком и скалкой (боюсь, что *вальек* видели только те из вас, кто ездил в этнографические экспедиции), а потом гладили утюгом, нагретым на газовой плите.

Сваренный на два дня обед хранили на подоконнике, сливочное масло в холодное время года клали между рамами (это называлось «за окном»). Летом масленку ставили в кастрюлю с водой и накрывали мокрой холстиной.

Когда в 1949 году отец купил первый советский холодильник «Газоаппарат», мои однокурсницы по Московскому университету (мы учились в старом здании на Моховой) специально забегали к нам поковырять лед на морозилке, чтобы убедиться, что он настоящий.

Таков был быт в среднеобеспеченной *московской* семье при 48-часовой рабочей неделе.

мораль

Об этом, быть может, интересно прочитать в мемуарных очерках, мемуары чаще всего пишут для того, чтобы свою единственную жизнь осмыслить именно как уникальный экзистенциальный опыт, житейские мелочи лишь делают рассказы о прожитом достоверными, не стоит в самых правдивых мемуарах искать уроков практического опыта.

Вам забавно узнать, что в «мое» время на филфаке университета, где, по общему мнению, все – ну просто все! – девочки были красотками, губы красили только те, кто был замужем, – а их и было человек пять-шесть на курс, то есть на триста человек. *Забавно* — и только. Прошлое приближается к нам, оставаясь *чужим*, – и это естественно.

И все-таки некий, в том числе практический, опыт передается из поколения в поколение. Это происходит уже потому, что обращению с окружающими нас предметами мы обычно учимся прежде всего у старших. Например, видим, как мать гладит белье, печет блины, как отец ввинчивает шуруп. Но в современном обществе темп и масштаб перемен в образе жизни ускоряется до такой степени, что практический опыт может оказаться бесполезным уже для следующего поколения, не говоря уже об опыте бабушек и дедушек.

И первое, что безусловно меняется, и притом резко, – это ощущение *цены времени*. Молодая женщина, которая утром учится, а вечером работает, или наоборот – работает весь день, а учится вечерами, или просто имеет ненормированный рабочий день, едва ли сподвигнется на изготовление традиционной кулебяки «о четырех концах». Разве что раз в год... Но стоит ли ради этого единственного раза учиться печь кулебяку?

Как бы вы ни были стеснены в средствах, вы, несомненно, можете выбросить заплесневевший кусок хлеба, свечной огарок или маленький обмылок, и сделать все это, не испытывая чувства вины, столь характерного для поколения переживших войну и голод. И я рада за вас.

С другой стороны, есть некоторые нетривиальные мелочи и умения, которые могут пригодиться «в случае чего». Ведь наша городская жизнь полностью зависит не просто от *наличия* электро-, газо- и водоснабжения, а также от ближайшей булочной, аптеки за углом и автобусной остановки через дорогу. Мы прежде всего зависим от бесперебойной работы *всего этого*. Но вполне «бесперебойной» жизнь теперь не бывает даже в кино и книгах. А если вы живете одна и проснулись среди ночи с высокой температурой? Или вдруг погас свет, а вы сидите за компьютером? Или приятельница из другого города неожиданно попросилась приютить ее на одну ночь, у вас срочная работа, а холодильник, как назло, пуст?

За последние двадцать лет я побывала в разных странах. Иногда это была работа: я лингвист, профессор, автор учебников, всю жизнь работаю в Академии наук. Иногда каникулы – я гостила у своих коллег и бывших учеников. Но везде я была полностью погружена в местную среду (преимущественно академическую) и предоставлена себе в вопросах организации жизни и быта. Окружали меня люди относительно обеспеченные, нередко – богатые и даже очень богатые. Могут вас заверить: везде и мужчины, и женщины, и совсем молодые люди не просто очень заняты, но заняты предельно. И сколько бы они ни зарабатывали, роскошь как

таковая – по крайней мере, в Европе – считается дурным тоном. (Видимо, в Голливуде или в Лас-Вегасе это не так, но как раз там я не была.)

Вне зависимости от доходов, деньги не тратят бездумно, а покупка, удачная в смысле соотношения цена/качество, непременно будет предметом гордости – в особенности какая-нибудь недорогая, но изящная мелочь, купленная в магазине second hand или на «блошином» рынке.

Обо всем этом прежде я так или иначе слыхала. Но мало что заменяет собственный опыт, тем более запоминающийся, когда из-за его отсутствия попадаешь в глупое положение.

Вот забавная история, которая пояснит, что я имею в виду.

В Стокгольме мои друзья, ученый с мировым именем и его жена – известная скрипачка, в недавнем прошлом концертмейстер оркестра Шведской королевской оперы, передали мне приглашение на обед в узком кругу, который устраивало одно научное общество.

Ожидалось человек десять гостей, в том числе дядя шведского короля. Я спросила, как мне следует одеться. С некоторым недоумением в голосе мне ответили, что в доме наверняка будет *достаточно тепло* (дело было в январе). Не подумайте, что это означало, что в бальном платье я не рискую простудиться. Имелось в виду обратное: что я вообще могу не заботиться о своем туалете. И в самом деле, «одета» была только хозяйка дома: на ней был черный костюм. Дядю короля я «вычислила» только потому, что он выглядел заведомо старше остальных мужчин. Одна из дам – психиатр, с которой я довольно долго беседовала и потому запомнила ее внешность, была в пушистом лыжном свитере и брюках. Другая дама была в блузке и цветном шейном платке. А теперь представьте, как глупо бы я выглядела, если бы явилась в вечернем платье.

Случались и другие истории в сходном ключе – они не менее поучительны, и я не премину их рассказать в своем месте.

Экономить или тратить?

Невозможно жить, не думая о деньгах. Тем более если вы принадлежите к первому поколению россиян, которые живут в обществе, покончившем с товарным дефицитом. Наконец деньги стали действительно деньгами. На ближайший понедельник может не быть билетов на удобный поезд в Питер. В булочной за углом сегодня нет привычного для вас хлеба, а любимый сорт сыра вдруг неприлично подорожал. Удовлетворяющую вас оправу для очков придется поискать. Но вам трудно даже представить себе ситуацию, когда наличие денег само по себе не означает, что у вас будет сыр нужного сорта

или удобная оправа для очков. И уж совсем трудно вообразить времена, когда весь хлеб делился только на черный и белый, покупка пристойной оправы для очков была почти безнадежным делом, а о *сортах* сыра пришлось вообще забыть – и тогда казалось, что навсегда.

Отныне большинство товаров есть в довольно-таки обширном ассортименте, хотя нельзя сказать, что можно найти все, что надо, притом – и это особенно важно – одновременно на любой вкус и любой *кошелек*.

Однако в основном дело все же за деньгами.

Впрочем, денег никогда не бывает *достаточно*.

Оставим в покое Билла Гейтса – это не про нас с вами.

Но даже вполне обеспеченные люди постоянно думают о том, как разумнее распорядиться средствами. Так дело обстоит во всем мире. Почему? В частности, потому, что по мере увеличения доходов вы открываете для себя новые возможности, и тогда денег опять не хватает.

Пока вы были студенткой второго курса, вам не хватало на билеты в театр. Теперь вы неплохо зарабатываете, работая верстальщицей на компьютере, и вам не хватает денег на поездку на Кипр. Ваша ровесница зарабатывает столько же, но у нее больна мама. В результате денег не хватает на оплату хорошего врача, а о Кипре не приходится и мечтать.

В далекой Австралии у меня есть друг – молодой доцент университета. Ему не хватает денег на вертолет. Вертолет был бы ему весьма кстати, поскольку отец его владеет большой фермой и нуждается в помощи, но туда надо полдня добираться – время же, как известно, тоже деньги.

Итак: если вы любите путешествия, хорошие книги, красивую посуду и старую мебель, то едва ли у вас когда-либо хватит денег, чтобы любить все это *одновременно*. То есть любить абстрактно – это на здоровье, но реально перед вами всегда будет *выбор*.

Это надо понять и с этим надо примириться.

Примириться — в данном случае значит перевести вопрос денег в практический план.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что, собственно, значит пословица «не в деньгах счастье»? Или другая, сходная с ней по смыслу – «с милым рай и в шалаше»? Как большинство пословиц, они отражают лишь одну сторону той самой медали.

Разумеется, деньги как таковые не могут заменить ни родительскую ласку, ни любовь, ни дружбу, ни радость общения. Пословица о «рае в шалаше» подразумевает, что с любимым человеком и в бедности можно чувствовать себя счастливым. На деле, и это для вас не новость, *счастливая бедность* — это состояние *души*, и притом сугубо временное.

Допустим, вы молоды, здоровы, полны сил, но у вас *мало* денег. При этом вы все же сыты, и у вас есть крыша над головой. А если денег не мало, а их просто *нет*, и вы начинаете по-настоящему голодать? «По-настоящему» – не значит отказывать себе время от времени в горячем обеде, довольствуясь стаканом молока и калачом, чтобы днем позже, получив деньги, пойти в кафе, как это описывает Владислав Ходасевич в своей книге мемуарных очерков «Некрополь».

Голодать – это неделями не иметь во рту ничего, кроме ломтя хлеба и кипятка. Состояние безнадежно голодного человека описано в романе Кнута Гамсуна «Голод». Пафос романа, среди прочего, в том, что герой голодает не на войне и не в тюрьме, а на воле и в мирное время, когда кругом сытые и благополучные люди, а не такие же бедолаги. Ужас не только в том, что героя преследуют галлюцинации, характерные для постоянно голодающего, – он еще и бесконечно унижен своим изгойством. К счастью, это вам не грозит.

Однако банальные истины замечательны тем, что, будучи осознаны как банальные, они еще и *остаются истинами*.

Денег не должно быть меньше, чем это необходимо для удовлетворения базовых физиологических и духовных потребностей. Определение этой «базы» – предмет постоянных споров физиологов, социологов, медиков и других специалистов. В эти детали мы вдаваться не будем. Останемся в пределах чисто житейского подхода.

Конечно же, «рай в шалаше» – не более чем еще одна симпатичная метафора. Рассуждая от противного, можно сказать, что с нелюбимым человеком и во дворце счастлив не будешь. Но сколько счастливых пар погубила необходимость жить в «шалаше», в функции которого может выступать отличная квартира, которую, однако же, приходится делить со старшим поколением, а то и с тяжело больными родственниками, не говоря уже о более сложных ситуациях.

Итак, деньги и вообще материальные блага как таковые не могут сделать нас счастливыми. Еще одна банальность. Но ведь есть же люди, которые видят счастье именно в том, чтобы «хорошо жить», что по их понятиям значит хорошо одеваться, вкусно есть и при этом не слишком себя утруждать. Счастливы ли они?

Если говорить о людях немолодых, уставших от жизненной борьбы и невзгод, то в известной мере они и этим счастливы. *В известной мере* — потому, что при более пристальном взгляде окажется, что этим немолодым и нездоровым людям *для счастья*, помимо достатка и ухоженности, в высшей степени нужно чье-то тепло и внимание, а еще и уважение, а также *самоуважение*. Поэтому, кстати сказать, долголетие и относительное здоровье в старости — удел людей по крайней мере семейных, то есть кому-то нужных, кем-то любимых.

Что касается граждан цветущего возраста, то какими бы бездельниками и бонвиванами они себя ни выставляли, *сладкая жизнь* — нередко эрзац, замещающий иные, менее приземленные потребности. Иначе в странах с высоким средним жизненным уровнем — таких, как, например, Швеция, не было бы такого устрашающего распространения наркомании и такого числа самоубийств.

Есть даже специальное понятие — «престижное потребление» (англ. *conspicuous consumption*, буквально «потребление напоказ»). Это феномен, отчасти сводимый к расхожей русской фразе «*все как у людей*». Он заслуживает более подробного обсуждения, что я сделаю несколько позже.

Пока что задумаемся о повседневных ситуациях — о том, как мы принимаем решения «потратить» или «сэкономить».

Очевидно, что наши потребности всегда опережают наши возможности. При этом возможности у всех разные. Но потребности — тоже разные. В таком случае, не беспредметен ли наш разговор?

Мне кажется — нет, потому что всегда полезно подумать, если ли вообще вещи, на которых в принципе *не следует* экономить.

Стандартный ответ здесь — «никогда не следует экономить на своем здоровье». Эта фраза не слишком хорошо звучит по-русски, но от родителей и наставников вы слышали именно ее.

Не удивлюсь, если это речение вы успели возненавидеть: ведь вредным для здоровья чаще всего оказывается именно то, чего вам более всего хочется.

В детстве *вредно* читать лежа и есть мороженое на улице, в ранней юности — ходить почти круглый год в кроссовках, позже — курить, носить линзы вместо очков и обувь на шпильках, а также питаться только бутербродами — в общем, «далее везде».

Многие наши устремления прямо или косвенно объявляются вредными или, напротив того, полезными некими «высшими инстанциями» — и именно этим «инстанциям» мы имеем обыкновение предъявлять претензии как к стесняющим наше право иметь любые пристрастия или вкусы.

Когда я была школьницей, то каждую весну выдерживала сражение с мамой по поводу того, можно ли мне наконец уже ходить «в носочках». Нейлон, а тем более колготки еще не изобрели, и девочки-подростки носили хлопчатобумажные чулки. Не думайте, что это были непременно ненавистные чулки «в резиночку», наподобие теперешних детских колготок. Вовсе нет. Более того, о таких чулках — они назывались *фильдеперсовы* — вы сейчас, возможно, мечтали бы: в них зимой не холодно, а весной — не жарко. Но их давно перестали делать даже в Европе: чисто хлопковый тонкий трикотаж стал слишком дорог, чтобы быть предметом массового спроса.

Сегодня я не могу с достаточной живостью вспомнить то чувство, с которым я весной переходила к желанным носочкам. Кстати сказать, выглядели они не слишком эстетично, поскольку тогда они были только белыми с непременно каемочкой, а к шерстяному форменному школьному платью вообще не подходили.

Единственное, в чем я уверена, – это в том, что переход к носочкам не был напрямую связан с каким-либо дискомфортом от чулок. Это был некий знак бесшабашности, аналогичный современному хождению без головного убора в любую погоду. А так как я всегда отличалась слабым здоровьем, права, скорее всего, была все-таки мама.

мораль

Задумайтесь, что в вашем обиходе напоминает описанное выше сражение за право ходить «в носочках»?

Ведь пожелания некоторой умеренности и благоразумия – касаются ли они вашего стремления что-то купить или, наоборот, без чего-то обойтись и, тем самым, сэкономить – могут исходить не только от старших. Кто-то из ваших друзей, однокашников, ваших братьев или сестер время от времени тоже высказывает нечто подобное в ваш адрес. Не так уж важно, почему вы вдруг решили, что вам не нужен ни новый чайник, ни новая сумка, зато необходим именно красивый плед. Более важно постараться понять, как вы совершаете сам выбор, точнее – на каких основаниях вы отказываетесь от чего-то одного в пользу другого.

Уверяю вас, я не забыла, что вы молоды и что все мы живем в мире соблазнов. И сама я вовсе не исключение. Напротив того, быть может, я острее вас переживаю искушение доступностью того, что некогда было принадлежностью воображаемого потребительского рая. Ведь все то, что вы можете, не задумываясь, купить в ближайшем магазине, мое поколение (в массе своей) еще десять лет назад видело только в кино.

мораль

попытайтесь применительно к предмету своих желаний и устремлений понять, зачем вам нужна та или иная вещь, где и как вы предполагаете ее использовать.

Может быть, вам нужен не столько плед, сколько тот уют, который ассоциируется с возможностью укрыться именно пушистым клетчатым пледом? А если у вас есть большая теплая шаль – разве она не годится для той же цели?

Уют, в отличие от пледа, не купишь. Но можно уверить себя в том, что чувство уюта, комфорта охватит вас, как только...

Странно было бы вас отговаривать от попыток удовлетворить подобные желания. Надо только помнить, что вещь, которой вы так мечтали обладать, ради покупки которой, быть может, отказывали себе во многом, достаточно быстро может стать предметом, не выделяющимся из фона: всего лишь еще одно из платьев, висящих в шкафу, или еще одна ваза, стоящая на полке.

Стиль жизни

Каждому из нас свойственен определенный стиль жизни. Вам тоже – даже если вы никогда не задавались вопросом о том, есть ли он у вас вообще и чем именно ваш стиль жизни отличается, например, от стиля жизни ваших родителей. Или вашего начальника. Или вашей подруги. Я не имею в виду ваши вкусы и интересы, как они сложились на данный момент. Не так важен и тот набор материальных благ, которыми вы располагаете сегодня. Потому что стиль жизни в целом определяется не только тем, чем вы *теперь* интересуетесь, или тем, чем вы *уже* успели обзавестись, сколько вашими стремлениями, желаниями, планами и мечтами.

Свой стиль

Много лет назад один мой знакомый, тогда только что окончивший институт, сказал мне: «Когда я буду хорошо зарабатывать, я буду каждый день обедать *с вином*». Человек он был (и остался) непьющий настолько, что ни тогда, ни теперь не склонен «просто так» выпить даже пива. И хотя он уже давно весьма хорошо зарабатывает, с вином он не обедает, да и вообще спиртного дома не держит. Разве что купит шампанское к Новому году.

Однако именно «материальная» сторона жизни занимает его более всего. При этом от вынужденной в «советские» времена скудности быта он перешел к бережливости, а потом – к расчетливости, граничащей со скупостью. Видимо, «обед с вином» – это был символ, за которым скрывалась некая еще неосознанная житейская философия. Именно *так* мой знакомый представлял себе повседневную жизнь человека, чего-то достигшего.

Время эти мечты скорректировало и обратило отчасти в склонность к накопительству, отчасти к тратам, условно говоря, «представительского» свойства. *Условно*— поскольку профессия моего героя вовсе не требует представительских расходов: он не состоит на службе в какой-нибудь крупной корпорации, где работникам положено появляться на людях в «тройке» с дорогим галстуком и папкой из натуральной кожи под мышкой.

К тому же, он не предприниматель, так что и его специфическая расчетливость не имеет непосредственных практических оснований в виде вложения каждой заработанной копейки «в дело». Однако почти всегда, когда я предпочитаю сэкономить *время* и *силы*, он экономит именно *деньги*.

Занятно, что его дочери, выросшие на моих глазах, по стилю жизни значительно отличаются от отца. Они знают счет деньгам, но тратят их иначе: чем тащить тяжелые сумки, «поймают» машину; одежде вообще не придают особого значения и потому систематически заглядывают в *second hand*'ы. Главное же – они дорожат *временем*. Вот тут они действительно на удивление расчетливы.

Старшая зарабатывает преимущественно уроками, хотя работает еще в двух местах. Первое, что она купила, накопив какую-то сумму наличными, – это мобильный телефон. Не самая дешевая услуга, но возможность связи компенсирует необязательность клиентов – по дороге всегда можно убедиться, что урок или встреча состоится, или уточнить время, если все переносится.

Младшая имеет свои амбиции, намереваясь стать дизайнером. Она еще учится, но с учетом желанной перспективы отцовский компьютер считает морально устаревшим и копит деньги на собственный. Ради этого и подрабатывает чем может – в частности, ведет кружок в детском клубе по соседству с домом, а если удастся получить заказ – набирает тексты на компьютере.

Оценить масштабы отличия стиля жизни детей от стиля жизни их родителей я смогла тогда, когда эти очень «домашние» молодые особы отказались от участия в садово-огородных хлопотах старшего поколения. Никакие уверения матери (отличной, надо сказать, кулинарки) в том, что все «домашнее» заведомо вкуснее, не возымели действия. Бесспорный контраргумент состоял в конечном счете в том, что так потраченное *время*, – это на деле бессмысленная трата *денег*.

И это верно – но не применительно к матери данного семейства. И не потому, что летом она совершенно свободна. Просто для нее домашние варенья и соленья – это вообще не еда, а прежде всего *символы* «правильного» стиля жизни. И не в меньшей мере, чем мобильный телефон для ее дочерей. А ведь последний, в отличие от домашнего варенья, в принципе заменяемого на покупное, реально необходим именно потому, что *незаменим*. (Кстати, «покупное» варенье, и очень качественное, теперь присутствует в огромном ассортименте и стоит недо-

рого. Марка, которую покупаю я, своим «домашним» вкусом оправдывает несколько вызывающее название «варенье настоящее русское».)

мораль

Стиль жизни и философия повседневности заметнее и понятнее не на уровне разговоров о быте и бытии, а на уровне повседневного жизнеустройства.

Барственность Владимира Набокова рельефнее всего проявляется в гордости, с которой он вспоминает, как, живя в своем имении, его мать заботилась о быте и обеде не более, чем если бы она жила в гостинице.

Борис Пастернак вырос не в имении, а в казенной квартире, которую его отец, Леонид Осипович Пастернак, известный художник, получил по службе. В гостях у него бывали Лев Толстой и Скрябин, но, чтобы достойно воспитать четверых детей и дать им хорошее образование, родители Бориса трудились не покладая рук. И мать Бориса, блистательная пианистка Розалия Кауфман, оставила концертную карьеру именно для того, чтобы жить *семейным домом*.

Она продолжала заниматься музыкой и давала уроки; она, конечно же, держала кухарку и неуклонно заботилась об «уменьшении расходов в домашнем хозяйстве» (это цитата из книги Елены Молоховец; о ней речь пойдет ниже). Именно на сэкономленные матерью деньги Борис в 1912 году смог отправиться учиться в немецкий город Марбург, известный своим университетом, причем в качестве «приличного платья» ему был отдан хоть и поношенный, но добротный костюм отца, купленный еще в 1891 году, когда маленький Боря, по обычаю тех времен, носил платьице...

В русских интеллигентных семьях среднего достатка ценился вкус и добротность при умеренной стоимости; ценилась экономность и дельная организация домохозяйства – само его ведение требовало незаурядных умений и усилий. Но хозяйка не просеивала муку и не месила тесто. Она рассчитывала, наблюдала и распорядилась. В лучшем случае – разливала чай из самовара, когда стол уже был накрыт, а самовар – подан. Что и описано в воспоминаниях одного из членов семьи Пастернаков – кстати, эта семья как раз и была *средней* и по достатку, и по числу едоков – без няни их было шестеро.

Этот стиль жизни ушел вместе с эпохой.

Когда еще подростком, в середине 40-х годов, я бывала в старых интеллигентских русских домах, там самую скудную трапезу подавали на «кузнецовских» тарелках, пустой чай пили из стаканов в серебряных подстаканниках, а у каждого прибора стояла отдельная солонка. Мне много лет не приходило в голову, что это был стиль жизни, свидетельствовавший о сопротивлении «обстоятельствам».

Спустя еще двадцать лет для читателя, впервые открывшего «Белую гвардию» Михаила Булгакова, желание «приобщиться» к чему-то несомненно воплотилось в бронзовой лампе, крахмальной скатерти и кремовых шторах в квартире Турбиных, сохранявшихся и в безумии киевского декабря 1918 года. «Абажур священен», написал там же Булгаков, имея в виду, конечно же, вовсе не опрокинутый в спешке абажур.

Со времен первой полной публикации «Белой гвардии» сменилось еще несколько эпох. Многие из вас никогда не видели «кузнецовских» тарелок и не испытывали никаких чувств по поводу опрокинутого абажура. И это естественно.

Наша страна хотя бы отчасти воссоединилась с остальным миром. *Вместе* с возможностью путешествовать, покупать напитки, о которых мое поколение только читало у Хемингуэя

и Ремарка, и сидеть в кафе, как это делали герои любимых фильмов, мы получили и западную массовую культуру – в частности, мир и стиль «глянцевых» журналов.

Как писал Иосиф Бродский, «стиль стал продаваться оптом».

Но свой-то вам все равно придется выбирать «в розницу» – даже если потом вы решите от него отказаться.

Так или иначе – выбор за вами.

Вещи как знаки

В жизнь входит поколение молодых людей, зарабатывающих достаточно, чтобы выбирать свой стиль жизни, а не довольствоваться тем, что они унаследовали от родителей – безотносительно к тому, идет ли речь о старинном кресле или хрустальной люстре.

Разумеется, нельзя найти свой стиль жизни, целеустремленно уделив этой проблеме некоторое, пусть и не малое, время для размышлений. Мы не выбираем стиль, сидя на крыльце или лежа в задумчивости на диване. Размышления на эти темы появляются тогда, когда вы начинаете сравнивать себя с другими, или ощущаете необходимость что-то изменить, или обнаруживаете определенное несоответствие между тем, к чему вы стремились, и полученным результатом.

Для простоты начнем с разговора о *вещах*, об окружающей нас предметной среде.

Как правило, неосознаваемой точкой отсчета, незаметным, но определяющим фоном служит тот стиль, который мы унаследовали от своих родителей. (С этой точки зрения отсутствие всякого стиля – тоже стиль.) Дальше возможны две крайние позиции – отталкивание или подражание. И это не тот случай, когда истина лежит посередине.

Посередине, как всегда, лежит проблема.

Проблем немало.

Одна из них связана с противопоставлением чисто утилитарного отношения к вещам и вообще к предметному окружению и усмотрения в вещах чего-то *сверх их прямого назначения*. Старшее поколение – люди лет 50 и более – просто в силу возраста видят во многих предметах не только их функцию, но еще и овеществленную память.

Эта чашка с цветочками, конечно, не бог весть что, но она бабушкина. Письменный стол слишком массивный, но я за ним делал уроки, а папа (то есть ваш дедушка) садился рядом. Хотя в позеленевшей от старости коробочке неизвестного назначения теперь хранятся всего лишь булавки, вашей маме ее подарила школьная подруга.

Сама по себе любая такая вещь может быть просто старой и совсем некрасивой, а вам представляться даже убогой. Но вещь, тесно связанная с памятью о дорогих нам людях или значимых событиях, в определенном смысле уже вообще не *вещь* — это *знак*, звено цепи, связывающее настоящее с прошлым.

Как правило, такие вещи, если их рассматривать отчужденно, разнородны и *разностильны*. Объединяет их только соотносимость с чьим-то прошлым, с другими жизнями. И если для вас это прошлое в силу его давности в лучшем случае может быть *воображено*, то для ваших близких оно продолжает хотя бы отчасти оставаться настоящим.

мораль 1

Если вы живете вместе с родителями, постарайтесь их понять, ведь с вами это тоже случится, только позднее.

мораль 2

Если у вас есть возможность устроить свой обиход и тем более свое жилье, не оглядываясь на старших и их пристрастия, исходите из того, что *ваши вкусы пока не устоялись*. Оставьте себе время для выбора и простор для перемен.

Впрочем, со вкусом как таковым связан отдельный круг проблем.

В отличие от стиля, вкус все-таки бывает *хороший* и *плохой*. Во все времена одни люди, следовавшие моде и стилю своей эпохи, отличались хорошим вкусом, другие – дурным. Очевидно, тем не менее, что само понятие «хорошего/дурного» вкуса тоже исторически обусловлено.

Современный «хороший» вкус *в среднем* склоняется к относительному функционализму и минимализму и не поощряет «избыточность», будь то пышные складки на занавесях и покрывалах, ножки мебели в виде львиных лап, причудливо изогнутые позолоченные ручки у чашек и ваз или увековеченные Гоголем «фестончики».

А ведь в свое время эти самые «фестончики», равно как и тяжелые занавеси и кресла с ножками в виде львиных лап, были свидетельством хорошего вкуса! Стили и вкусы меняются, но со временем они стали меняться все быстрее. И столь свойственное нынешним молодым людям беспамятство и почти детское увлечение всем «новым» есть не столько факт *возраста*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.